

Я богат! Я все еще богат
Светом звезд на синем
небосклоне,
Золотыми бликами в затоне,
Ветерком, подувшим наугад...
Я богат уже немало лет,
Я богатства своего не прячу,
Я не плачу по нему, а

трачу...
Здравствуй, мой высокий
звездный свет!

Этим стихотворением — называется оно «О себе» — завершается книга Тимофея Белозерова «Лебедушка».

Он позволил себе назвать это стихотворение именно так. Именно позволит, ибо никогда во всех своих предыдущих книжках, выходящих в Омске, Москве и других городах нашей страны, он впрямую почти не писал о самом себе, чаще всего скрывая собственное «я» за фигурой лирического героя.

Он знал, что эта книга — последняя. Был непоправимо болен и готовил свой завершающий разговор с читателем.

И разговор состоялся особенный. Главная особенность его — это, пожалуй, многоплановость. Поэт ведет удивительную беседу со своим разнохарактерным, разновозрастным читателем на своем, белозеровском, понятном всем языке.

И вот сегодня, истая книгу «Лебедушка», я хочу подчеркнуть в ней те стихотворения, которые, на мой взгляд, обращены к нам, взрослым людям, провизаны нашими взрослыми сегодняшними проблемами.

Ломают дом старинный,
деревянный,
С балкончиком, с карнизом
в снегирах,
С витым крыльцом, с
верандой стеклянной,
С крылатыми конями на
дверях.
Ломают дом. А на резных
воротах,
Расправив хвост, откинув
гребешок,
Не замечая тусклой
позолоты,
Зовет гостей веселый
петушок...

Какая незаемная грусть звучит в этих строках, какая взрослая мудрость видится за ними: ведь дом-то этот, «старинный, деревянный», может быть, просто необходимо по тем или иным объективным причинам сломать. Необходимо, а все-таки жалко.

Мы, писавшие о нем, должны были, умаляя его значение, говоря о его творчестве как о творчестве поэта только детского. Вот стихотворение «Дума»: герой его — ребенок, но стихотворение опять-таки взрослое. Настолько взрослое, что аж мороз по коже — маленький человек мечтает убежать из дома:

Убегу от маминого крика,
От ее усталого лица,
От сестры, с ее прической
дикой,
Убегу от пьяного отца.
Убегу от ласковых соседей,
От старух слезливых —
навсегда,

Убегу в тайгу стрелять
медведей,
На озерах ставить невода!

Он, герой этого стихотворения, думает, что когда-то все будет хорошо. Его, вернувшись «огромным, бородатым», расцелует виноватый отец. Он еще не знает, что есть вещи, от которых не убежишь ни в какую тайгу. Но это знает автор — и знаем мы, его читатели.

ВО - 21786

Я богатства своего не прячу...

Из боли соткано это стихотворение, боли за еще ни в чем не провинившуюся, незамутненную, но уже страдающую детскую душу. Боли, истоки которой в литературе исходят еще от Достоевского, считавшего страдания ребенка главнейшим грехом человечества.

Его лирический герой не только радуется, он и недоумевает, размышляет, грустит, сомневается. Разве не отразилось наше сложное, гремевшее время в стихотворении «Пасечник»? Горожанин, человек, полный самых суперсовременных комплексов и сомнений, неожиданно попадает в идиллическое место — «на пасеку, в клеверный край», и пасечник приветливо встречает его, угощает медом.

С какой-то улыбкою
странной,
С челом, преисполненным
дум,
Смотрел он на мой
иностранный,

На мой окаянный костюм.
Как и всякому истинному художнику, Белозерову было дано видеть и чувствовать зорче и тоньше многих. Вот его стихотворение «Гвоздики». Восемь строк, но сколь социально емки и остры они:

Грустят, увядая, гвоздики,
В бутылке над кипой бумаг.
Им чудятся топот и крики,
И пулей простреленный флаг,
И песня... А в тесной конторе
Неприбранно, сонно, темно,

Кричат петухи на заборе,
Да где-то стучат в домино...
От дурных петушиных криков, цена которым — грош (дешь бы погромче, а там хоть не рассветай), от запыленных бумаг в наших многочисленных конторах могут увянуть не только гвоздики, могут обесцветиться и те святые идеалы, символом которых они являются. Сейчас об этом сказано не только и не просто в стихах, сказано всенародно —

любит, понимает, чувствует. Они всегда перед его авторским взором. При этом он никогда не заигрывает с маленьким читателем, всегда говорит с ним на равных, не сюсюкая, не приравниваясь к нему.

В одном газетном интервью Т. Белозеров сказал:

— Интересно, что я нередко получаю письма и от взрослых читателей. Что их волнует в моих стихах? Пишут, что стихи открыли им окошечко в ка-

ва и выстраивает не из каких-то конкретных умозаключений, а из всего смысла сказанного.

Луной освещены края
угрюмых туч,
Блестит ковыль, в тумане
спит дорога.
Почной звезды голубовагны
луч
Меж туч мерцает холодно и
строго.
— Мир недоступен, грозен и
велик! —
Читаю я в неотвратимом
свете

И слышу крик, печальной
птицы крик,
Так радостно поющей на
рассвете,
И говорю: — Высокий
звездный свет,
Ты опоздал на много-много
лет!..

Звездный свет... Это образ, это понятие встречается в произведениях поэта не один раз. Видно, этот космический мотив волновал его в последние годы.

Он стремился приобщить читателя к большим проблемам, делал это ненавязчиво, исподволь. Одна из таких проблем — взаимоотношения человека и того, что его окружает. Связь, казалось бы, естественная, нерастающая, но на практике такая легко рвущаяся, такая ранимая.

С каждым годом все выше
и выше
Пролетают на юг журавли.
И уже еле виден и слышен
Их полет с нашей шумной
земли.
Глянешь в небо, и сердце
сожмется —
Журавлиная тонкая нить
На ветру от усталости
рвется

И боится «курлы» обронить...
Щемит душу трагическое
стихотворение без названия, помещенное в самом конце «Лебедушки». Его лирический герой побежден, и какой пронзительный образ находит автор, чтобы рассказать нам об этом:

Посочувствуйте, вольные
птицы,
Звери в пуше и рыбы на дне!
Снова шумное море пшеницы
Поднялось выше пояса мне.
С ярким солнцем, грозей —
и кукушкой
В свежей зелени белых берез
Поднялось и опало подушкой
Смятой, жаркой и мокрой от
слез!..

В сборнике есть и чисто детские стихи, стихи, на которых воспитывались многие сотни юных читателей. Это и сказки «Огородный подростай» и «Бука», знакомые стихи, рассказывающие о людях Сибири, о реке, сибирских лесах и полях, о животных, их населяющих... Однако сегодняшним разговором хотелось бы подчеркнуть, что истинная поэзия, к которой, без всякого сомнения, относится и сделанное Белозеровым, трогает всякое сердце, ибо подлинное искусство никогда не может пройти мимо болевых точек времени.

А. ЛЕЙФЕР.
Фотоиллюстрация А. Косицина.

